

УДК 811.124'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-8

Литовченко Е. В.

«Объятия писем»: текстовые механизмы коммуникации
в позднеантичных эпистолярных сетях

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия
E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

Статья поступила 13 сентября 2023 г.; принята 14 декабря 2023 г.;
опубликована 30 декабря 2023 г.

Информация об источниках финансирования или грантах: Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-28-00284 «Социальные сети как механизм влияния в общественно-политической и духовной жизни латинского Запада в IV-VI вв.». – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284/>.

Аннотация. В мировой науке фиксируется устойчивый интерес к изучению эпистолярной коммуникации, но ее сетевые аспекты пока остаются за пределами внимания ученых. В статье анализируются письма позднеантичных авторов с целью выявления текстовых механизмов коммуникации в эпистолярной традиции латиноязычного мира IV-VI вв. и проводятся параллели между позднеантичными эпистолярными сетями и социальными компьютерными сетями нашего времени. Исследование базируется на принципах интеллектуальной истории, основными методами выступили сравнительно-исторический метод и метод лингвистического анализа, с помощью которого выявлялась динамика развития латинского языка в Поздней Античности, коррелирующая с мотивами и целями корреспондентов. Регулярная переписка осуществлялась в рамках сложившихся к тому времени риторических правил и объединяла корреспондентов в единую эпистолярную сеть или «эго-сеть», координированную ее автором-создателем. Участниками данных сетей становились представители высшего социального слоя позднеантичного общества, которых отличал высокий уровень образованности (Симмах, Сидоний Аполлинарий, Руриций Лиможский и др.). Результаты исследования показали, что в качестве основных целей переписки выступали: коммуникация в ситуации, когда личные контакты были затруднены, сохранение латинской идентичности, самопрезентация и др. Для достижения этих целей использовались такие текстовые механизмы коммуникации, как «*captatio benevolentiae*» (снискание благосклонности) и «*laudatio*» или риторика похвалы. Последняя позволяла авторам писем не только воздать почести достоинствам адресата, но и проявить собственные литературные таланты. Таким образом, похвала не только стимулировала собеседника к ответу, но и выступала средством самопрезентации. При создании лаудативного текста литераторы использовали экспрессивные средства стилистики: метафору, сравнение, параллелизм, градацию, гиперболу.

Ключевые слова: Эпистолярные сети («эго-сети»); Поздняя античность; Латинская словесность; Текстовые механизмы коммуникации; Лаудативный дискурс

Информация для цитирования: Литовченко Е. В. «Объятия писем»: текстовые механизмы коммуникации в позднеантичных эпистолярных сетях // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2023. Т. 9. № 4. С. 159-177. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-8

UDC 811.124'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-8

Elena V. Litovchenko

**In the arms of letters: text mechanisms
of communication in Late Antique epistolary networks**

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
E-mail: litovchenko@bsu.edu.ru

Received 13 September 2023; accepted 14 December 2023; published 30 December 2023

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, Grant No. 22-28-00284 "Social networks as a mechanism of influence in the socio-political and spiritual life of the Latin West in the 4th-6th centuries" – URL: <https://rscf.ru/project/22-28-00284/>.

Abstract. The study is devoted to identifying textual communication mechanisms in the epistolary tradition of the Latin-speaking world of the 4th-6th centuries. The most illustrative letters of the authors of the Latin West are the main sources of the study. The author draws parallels between Late Antique epistolary networks and social computer networks of our time. Regular correspondence was carried out within the framework of the rhetorical rules that had developed by that time and integrated correspondents into a unified epistolary network or “ego-network”, coordinated by its author-creator. Members of these networks were representatives of the highest social stratum of Late Antique society, who were distinguished by a high level of education (Symmachus, Sidonius Apollinaris, Ruricius of Limoges, et al.). The study is based on the principles of intellectual history (the history of ideas), which studies the sphere of production and transmission of knowledge, the evolution of ideas reflected in texts, verbal forms of communication of intellectuals, for whom literary creativity is a way of life and self-expression, and not a way of earning a livelihood. Comparative method and linguistic analysis were used as the main methods, which revealed the textual mechanisms of communication, giving an idea of the motives and goals of the correspondents, as well as dynamics of Latin in the Late Antiquity. The author comes to the conclusion that the main goals of the correspondence were: communication in a situation when personal contacts were complicated by bad roads, barbarian invasions and attacks of robbers; the preservation of Latin identity, self-presentation, etc. To achieve these goals, such textual communication mechanisms as "captatio benevolentiae" (finding favor) and "laudatio" or rhetoric of praise were used. It allowed the authors of letters not only to honor the merits of the addressee, but also to show their own literary talents. Thus, praise not only stimulated the interlocutor to respond, but also acted as a means of self-presentation. Composing a

laudative text, writers used expressive stylistic means: comparison, parallelism, gradation, metaphor, hyperbole.

Keywords: Epistolary networks (“ego-networks”); Late Antiquity; Latin literature; Text communication mechanisms; Laudatory discourse

How to cite: Litovchenko, E. V. (2023). In the arms of letters: text mechanisms of communication in Late Antique epistolary networks, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 9 (4), 159-177. DOI: 10.18413/2313-8912-2023-9-4-0-8

Введение

Рассматривая письмо, как зримое подтверждение существующих дружеских отношений, позднеантичный аристократ и епископ Эннодий называет переписку «*amplexus epistularis*» («объятиями писем») (Ennod. Ep. I. 3): послания отправлялись, независимо от того, были ли у его создателя новости, потому что главное – не информация как таковая, а выражение любви и приязни. Со времен античности, общение посредством переписки было и остается основной формой общественной коммуникации при отсутствии возможности непосредственного контакта. Корни данного явления уходят в глубокую древность, но, как литературный жанр эпистолография оформилась в эпоху античности. Литературная переписка подчинялась строгим правилам риторики и была направлена не только на коммуникацию с определенным лицом, адресатом, но и на самую широкую аудиторию, поскольку эпистолография как жанр литературы становилась достоянием общности, т.е., носила публичный характер, что сближает ее с социальными компьютерными сетями в наши дни: как первый, так и второй вид сетевой коммуникации, по сути, является: «субъективной реальностью межличностных взаимодействий человека со значимыми для него людьми» (Матрехина, 2006: 3).

В позднеантичную эпоху (IV-VI вв.) интеллектуальная элита общества, утратившая интерес к крупным жанрам литературы – эпосу, историческим сочинениям – сосредоточилась на переписке, считая ее, помимо прочего, способом сохранения *Romanitas*, римской

идентичности на фоне варваризации языка и культуры в целом. Письма в Поздней Античности служили, таким образом, не только для передачи информации, но и для сплочения участников переписки, составлявших эпистолярную сеть, в узкий круг ценителей латинского красноречия. Быть членом этого элитарного сообщества считалось почетным, поэтому круг адресатов включал только избранных людей, как правило, это были представители высшего сенаторского слоя, получившие риторическое образование, а, следовательно, способные оценить изящную словесность, а отбор писем в состав коллекции цензурировался авторами. Подобного рода основания актуальны и сегодня: «...существует внутренняя предвзятость в выборе, организации и структуре сообщений в медиа-дискурсе...», – пишет Сильвия Великова, отмечая далее, что «авторы сообщений новостных медиатекстов имеют конкретные цели и намерения, а их тексты выполняют многообразные функции» (Velikova, 2021: 32). Подобные эпистолярные сети могли включать десятки и даже сотни участников и вполне могут быть уподоблены современным социальным сетям, разумеется, оставляя за рамками средства связи нашего времени. Социальная сеть в современной науке определяется как: «социальная структура, состоящая из социальных субъектов, совокупности бинарных связей и других социальных взаимодействий между субъектами» (см. Wasserman, Faust, 1994).

Среди механизмов, связывающих субъектов, образующих социальные сети, особое место занимает текстовый механизм или риторическая традиция, как

платформа коммуникации, подразумевавшая ряд приемов, выработанных риторической теорией и практикой, с помощью которых можно было стимулировать адресата к продолжению обмена письмами. В качестве таковых мы рассматриваем, прежде всего «*captatio benevolentiae*» и «*laudatio*». «*Captatio benevolentiae*» или снискание благосклонности – литературный троп, выражавший стремление эпистолографов умалить свои достоинства. Этот риторический прием применялся с целью снискания расположения аудитории своей скромностью и мотивирования адресата на продолжение эпистолярного диалога. Принося уровень своего таланта и образованности, а также качество текста, авторы писем вынуждали собеседников опровергнуть несправедливую самооценку, поддерживая, тем самым, эпистолярную коммуникацию, сохраняя социальные связи, образуя закрытое, элитарное сообщество единомышленников, отличающихся рафинированной культурой, высоким уровнем образованности и, таким образом, дифференцирующих себя от массы простых людей и варваров (подробнее об этом механизме см.: Litovchenko, 2022: 11-17). Зачастую, «*laudatio*» и «*captatio benevolentiae*» сопровождали и дополняли друг друга, отражая оппозицию преувеличенной похвалы собеседника и умаления достоинств автора письма.

Прием «*laudatio*» (хвалебная речь) позволял авторам «эго-сетей» в пышных цветистых похвалах проявить свой литературный талант и мотивировать адресата как воспитанного человека написать в ответ письмо с не менее пафосными хвалебными речами. Таким путем авторы достигали сразу нескольких целей – они сохраняли контакты, поддерживали общение и получали требуемый портрет «*virī bonī*» – лучших людей своего времени. Таким образом, лаудативный дискурс в любых актах коммуникации представляет собой

гиперболизированную похвалу или прославление кого-либо и, чаще всего, в жанровом выражении, облекается в форму панегирика (восхваляющей оды). В настоящем исследовании мы сосредоточили внимание на эпистолографии, а, следовательно, на прозаических текстах, которые, однако, обладают всеми признаками хвалебных речей.

Обзор литературы

Специфика сетевой коммуникации на современном этапе развития человечества, начиная с 2000-х годов, довольно часто становится предметом исследования в гуманитарной науке. Поскольку обозначенная проблема связана непосредственно с анализом текстов, ведущая роль здесь принадлежит лингвистам (Слышкин, 2000, 2005; Иссерс, 2012, 2020; Лутовинова, 2009; Алтухова, 2012; Сидорова, 2013; Катермина, Илмаз-Леденева, 2019; Velikova, 2021 и др.).

Так, Г. Г. Слышкин анализирует связь лингвокультурных концептов с системой ценностей определенного социума, приходя к выводу о том, что формирование идеологием основано на использовании речевых механизмов (Слышкин, 2005: 18). Ряд авторов сосредотачивает свое внимание на специфике функционирования социальных сетей в современном Интернет-пространстве: О. В. Лутовинова рассматривает виртуальный дискурс как текст, погруженный в ситуацию общения в виртуальной реальности (Лутовинова, 2009: 26); Т. В. Алтухова анализирует языковые особенности социальной компьютерной сети «ВКонтакте» как гипержанра Интернет-коммуникации (Алтухова, 2012: 21); И. Г. Сидорова освещает проблему личностного позиционирования в компьютерных социальных сетях (Сидорова, 2013: 29); В. В. Катермина, Т. О. Илмаз-Леденева обращают внимание на специфику проявления языковой личности в сети коммуникаций киберпространства (Катермина, Илмаз-Леденева, 2019: 64). В работах О. С. Иссерс исследуются

активные процессы в языке и коммуникации, стимулом для которых является интенсивное развитие технологий Интернета и основанных на них новых медиа – блогов, социальных сетей и конвергентных СМИ.

В рамках исследования феномена «социальных сетей» в историческом контексте отметим работы Анны Коллар (Collar, 2007, 2013), в которых автор исследует влияние религии на формирование сетевых сообществ прошлого, в том числе в Римской империи. В частности, в рамках «сетевой теории» она прослеживает распространение религиозных идей в социальных сетях древности.

Аспекты лаудативного дискурса как механизма речевой коммуникации в исторической ретроспективе изучены недостаточно полно: ученые фокусируют свое внимание, в основном, на панегириках. Так, отечественная наука приросла в данном направлении исследованиями памятников греческого и римского ораторского искусства и литературы, подготовленными коллективами авторов под руководством М. Е. Грабарь-Пассек (Памятники, 1964), С. С. Аверинцева, М. Л. Гаспарова (Памятники, 1998); изучением панегириков И. Ю. Шабагой (Латинские панегирики, 2016), С. И. Межеричкой (Межеричкая, 2017). Как правило, авторы рассматривают лаудативный жанр в контексте эволюции античной литературы в целом, либо концентрируются на поэтических восхвалениях.

Зарубежная историография данного вопроса более обширна и насчитывает десятки работ, поэтому приведем здесь наиболее масштабные. Материалы коллективных монографий под редакцией М. Уитби (The Propaganda, 1998), Т. Хегга, Ф. Руссо и К. Хегеля (Greek Biography, 2000) подобраны с целью утверждения роли панегирика с момента его возникновения в IV веке до н.э. до конца античности (и позже) как долговечной и

легко адаптируемой платформы для артикуляции социальных отношений и ценностей, своего рода программы, задаваемой высшими слоями общества императору, поскольку еще Плиний считал, что для общественной пользы «хорошие императоры» должны узнать, что они сделали, а плохие – что им следует сделать (Ep. IV. 1)¹.

Хвалебная риторика является также центральным предметом изучения Роджера Риза (Rees, 2010), который анализирует панегирики в творчестве Цицерона, Сенеки, Плиния и панегиристов по сборнику латинских панегириков (XII Panegyrici Latini, 1874). В итоге, автор приходит к интересному выводу о том, что отношение латинских авторов к панегирикам и хвалебным речам имеет оттенок «антигреческого расизма», поскольку расценивается римлянами, по крайней мере, до III века, как специфически греческое явление, выражающее раболепие перед высокими должностными лицами, а, следовательно, не свойственное истинным римлянам. Заявление Цицерона о том, что *pos laudationibus non ita multum uti solemus* («мы не привыкли так часто расточать похвалы», De Oratore 2. 341) отличает римский обычай от греческого (Rees, 2010: 14, 16). Из позднеантичных авторов Риз рассматривает творчество Симмаха, Авсония и панегириста Паката.

Монография Л. Перно посвящена эпидейктической² риторике (Pernot, 2015); второй раздел книги «Непреодолимый подъем риторики», по сути, является дистилляцией справочников, описывающих тропы и другие риторические фигуры и приемы, совокупность которых применялась для

¹ Здесь и далее ссылки на письма в тексте статьи указываются в том виде и нумерации, которые приняты в их изданиях на латинском языке. Здесь и далее перевод автора, если не указано иное (Plinii Caecilii Secundi Epistolae, 1821).

² Хвалебница, торжественная речь, часто связанная с траурными восхвалениями.

создания «грамматики» похвалы. Знакомство Перно с огромным количеством источников позволяет ему «кратко и элегантно суммировать эволюцию эпидейктической риторики в теории и практике от ее зарождения в Афинах до развития в эпоху падения Римской империи» (Ware, 2019: 11). Данная работа может быть расценена как краткий реферат более раннего монументального исследования тридцатилетней давности (Pernot, 1993) и труда 2005 года (Pernot, 2005), являющегося введением в мир классического искусства риторики и демонстрацией ее места в античном обществе и политике.

Завершает наш краткий экскурс статья Кэтрин Вэр, содержащая обзор пяти сочинений последнего десятилетия о хвалебном дискурсе в поздней античности (Ware, 2019). Вопреки названию статьи, автор концентрируется не на эволюции риторики похвалы вообще, а, почти исключительно, на месте и роли панегириков в литературе и общественной жизни. Основной тезис исследователя выражает мысль о том, что панегирики поздней античности являются уникальным ресурсом, инкапсулирующим церемониальный момент контакта между императором и его народом, когда «общественности показали, что им следует видеть, а императору – как он должен действовать, чтобы оправдать ожидания народа» (Ware, 2019: 13).

Суммируя выводы авторов, отметим, что данные исследования касаются, прежде всего, панегирических речей и стихотворений. Панегирики, безусловно, служили для прославления адресатов, получения статусных предпочтений создателям хвалебных од, а общественное значение этих произведений отражалось в их программном характере. Вместе с тем, *laudatio*, как элемент эпистолярной практики прошлых веков, до сих пор не становился предметом специального исследования.

Очевидно, что проблематика настоящего исследования многоаспектна, входит в число актуальных вопросов современного гуманитарного знания и носит междисциплинарный характер, поскольку изучается в рамках разных областей научного знания – филологии, истории, социологии. Перед нами стоит нетривиальная задача – интегрировать достижения нескольких отраслей знания, чтобы прийти к обоснованным выводам, поскольку цель нашей работы состоит в выявлении роли и функций похвалы в эпистолярной практике и, шире, в общественной коммуникации.

Материалы и методы исследования

В качестве основных источников использовались тексты сборников писем IV-VI вв. на латинском языке. Это эпистолярные коллекции Авсония, Симмаха, Павлина Ноланского, Иеронима, Сидония Аполлинария, Руриция, Эннодия, Кассиодора, насчитывающие разное количество посланий: от самой скромной по объему Авсония, из которой сохранилось всего 25 писем, до самой обширной Симмаха, включающей более 900 посланий.

Издание текстов Павлина и Эннодия осуществлено под редакцией В. Гартеля (Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus Epistulae, 1894); письма Иеронима – под редакцией Ж. Миня (Hieronymi Opera omnia, 1845); Руриция – под редакцией А. Энгельбрехта (Ruricii Epistularum libri duo, 1891); Сидония – К. Лютйоханна и Б. Крюша (Sidonius Apollinaris Epistulae et carmina, 1887); Авсония – Р. Пайпера (Decimi Magni Ausonii Opuscula, 1886); Симмаха – О. Зеэка (Symmachi Quintus Aurelius Quae supersunt, 1883); Кассиодора – Т. Моммзена (Cassiodori Senatoris Variae, 1894).

Все указанные тексты в оригиналах доступны в собраниях электронных библиотек: Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum (CSEL), Loeb

Classical Library и Collection Budé³, являющихся академическими сериями, публикующими издания греческих и латинских произведений классической и поздней античности.

Перевод избранных нами коллекций осуществлялся на протяжении XX-XXI вв. Сто сорок семь посланий Сидония Аполлинария полностью переведены на английский язык (The Letters of Sidonius, 1915), также как письма Руриция (Ruricius of Limoges and Friends, 1999), Авсония (Ausonius: With an English Translation, 1949) и Симмаха (The Letters of Symmachus: Book 1, 2011), из корреспонденции последнего – лишь первый том. Эпистолярные тексты Эннодия переведены на итальянский (Ennode de Pavie, Lettres, 2006, 2010), Павлина Ноланского – на английский (Letters of St. Paulinus of Nola, 1966) и немецкий языки (Pontius Meropius Paulinus: Epistulae, 1998). Английским переводом снабжена избранная корреспонденция Иеронима (Select Letters of St. Jerome, 1933), а переписка Кассиодора полностью переведена на английский (Cassiodorus: The Variae. The Complete Translation, 2019) и русский языки (Variae Кассиодора. Римская традиция в варварском мире, 2004). Отечественные историки и филологи-классики обращаются к отдельным посланиям Сидония, Руриция, Эннодия и других авторов, но полных систематических переводов их корпусов писем на сегодняшний день нет. Настоящее исследование направлено, в частности, на заполнение указанной источниковедческой лакуны.

В методологическом плане исследование базируется на принципах интеллектуальной истории, распространяющей свое познавательное поле на весь комплекс идей, проявляющихся в разные периоды и в

разных человеческих общностях, и эго-истории как части интеллектуальной истории, конструирующей идентичность на базе эго-документов – свидетельств личного характера (мемуарах, дневниках, автобиографиях, письмах).

В качестве основного метода используется сравнительно-исторический. Период с IV по VI вв. характеризуется значительными изменениями в латинском языке в его эволюции от классической латыни Цицерона и Вергилия к позднеантичной, отличающейся, прежде всего, вульгаризацией. Дивергенция между «высокой» и «простонародной» латынью, используемой в обыденной жизни и в проповедях христианских священников, приводит к элитизации классической латыни. Писатели стремятся к тому, чтобы язык и стиль их как можно менее походил на обыденный, строят необычные образы и прихотливо-симметричные фразы, переходя от конструкций с более простым синтаксисом к более сложным (Kroon, 1995). Вместе с отходом от сложной, периодической структуры предложения главное внимание при передаче смысла начинает уделяться не глаголам, на которых, в сущности, и держался классический риторический период, а все в большей мере различным сочетаниям существительных. Таким образом, элементы сравнительно-исторического метода дают возможность проследить языковые особенности эволюции языка на материале эпистоляриев.

Результаты исследования и их обсуждение

Итак, *laudatio* означает как «хвалу», так и «восхваление», последнее происходит от классического греческого слова *εὐλογία*, которое буквально означает «хорошие слова» или «изящество речи, красноречие». Что касается латинской лексики, то слово *laudatio* (от глагола *laudo*⁴) переводится как хвала, похвальное слово или отзыв; своего рода синонимом

³URL: <http://csel.sbg.ac.at/en/>;
<https://www.loebclassics.com/>;
<http://www.lesbelleslettres.com/info/?fa=budefull>.

⁴ Хвалить, восхвалять, прославлять, превозносить.

можно считать *commendatio* – рекомендация, одобрение, благоприятный отзыв от глагола *commendo* – рекомендовать, поручать, относиться с уважением (Подосинов, 2022: 59), значение этого слова включает и представление кого-либо в наилучшем свете. Хвалебная лексика с негативными коннотациями представлена концептом *adulatio* – раболепие, низкопоклонство, лесть, угодливость (Подосинов, 2022: 16), однако мы сосредоточиваем наше внимание на мелиоративно окрашенных лексических единицах, отражающих интересующее нас явление.

Позднеантичные авторы пользовались и дополнительными грамматическими средствами выражения похвалы, представлявшими собой, по мнению И. Ю. Шабага: «тщательно продуманную систему образов и сравнений, призванную оказать на слушателя (и читателя) как можно более сильное эмоциональное воздействие. Для украшения своих речей ораторы используют всевозможные тропы и фигуры, особое предпочтение отдавая антитезе, гиперболе, анафоре, олицетворению и риторическому вопросу; с большим мастерством строятся синонимические ряды» (Латинские панегирики, 2016: 26-27). Неумеренное использование экспрессивных средств стилистики для современного читателя нередко выглядит несколько утрированно. Так, в письме Донидию Сидоний описывает время, проведенное в гостях у родственников, используя «нанизывание» суперлативов, или превосходных степеней прилагательного: «*inter agros amoenissimos humanissimos dominos, Ferreolum et Apollinarem, tempus voluptuosissimum exegi*» / я провел восхитительнейшее время в самой приятнейшей и гостеприимнейшей⁵ компании хозяев, Ферреола и Аполлинария (Sid. Ep. II. 9).

⁵ Авторский перевод латинского текста выполнен по изданию под редакцией К. Лютйоханна и Б. Крюша (Sidonius Apollinaris. Epistulae et carmina, 1887). Слово «*humanissimos*» может переводиться и

Восхваление адресата было настолько распространенной практикой, что со временем сложился особый тип писем – хвалебный, основная функция которых, сформулированная еще Цицероном, заключалась в том, чтобы похвалить хорошего человека (De Or. II. 349)⁶. Вероятно, во времена Цицерона так все и было, но к IV веку функционал *laudatio* расширился. Хвалить друг друга в переписке становится необходимым условием ее продолжения, поскольку подразумевалось, что представление в самом выгодном свете ума и образованности адресата вызовет ответное письмо такого же характера, а постоянный поток писем являлся гарантом систематического функционирования «эпистолярных сетей» позднеантичного общества и маркером социальной идентичности – если с тобой в постоянной переписке состоят лучшие люди, следовательно, и ты сам полноправный член узкого элитарного сообщества аристократов-интеллектуалов.

Рассматривая концепцию *laudatio* как принцип зеркала, Л. Перно утверждает, что: «его важность заключается в том, что... он создает момент общения, в котором сообщество или микрогруппа демонстрирует свое собственное единство» (Pernot, 2015: 98). В этом смысле позднеантичная сетевая коммуникация вполне коррелирует по своим целям и функциям с современными компьютерными сетями. Сегодня, как считают исследователи современной коммуникации, «сетевое сообщество объединяет людей, имеющих общие интересы. Его назначение – дать всем возможность свободного общения с теми, кто им близок по мировосприятию, и тем самым получить положительные эмоции от ощущения коллективной идентичности и

как «просвещеннейший», в данном конкретном случае могло иметься в виду и это значение (подробнее об этом послании см.: Литовченко, 2019: 620-626).

⁶ Перевод Э. Саттона (Cicero, 1942: 463).

самовыражения в кругу друзей» (Катермина, Илмаз-Леденева, 2019: 64), при этом, основаниями функционирования социальных компьютерных сетей выступает также конструирование сетевого виртуального «Я» пользователя и включение его в определенное сообщество, построение персональной социальной сети (Алтухова, 2012: 24).

Посредством лаудативного дискурса можно было не только воздать почести интеллектуальному багажу своего друга – представителя позднеантичной элиты, но и продемонстрировать свои собственные качества: образованность, начитанность, литературные способности, т.е., *laudatio*, помимо прочего, служило средством самопрезентации автора. Ученые, анализирующие современные способы позиционирования интернет-личности в социальной сети, отмечают, что, «помимо групповой и персональной коммуникации, социальные сети объединяют в себе функцию самопрезентации» (Сидорова, 2013: 30). «В процессе взаимодействия личности с другими пользователями в интернет-среде в ее поведении в большинстве случаев обнаруживается стремление показать себя с лучшей стороны, предстать в выгодном свете, акцентируя внимание партнеров по коммуникации именно на тех своих чертах и качествах, которые человек считает или хочет считать своими достоинствами» (Лутовинова, 2009: 31). Гиперболизируя личностные качества своих адресатов, акцентируя внимание на их образованности, литературном таланте, авторы IV-VI вв. добивались тех же целей: прежде всего, демонстрируя свою собственную риторическую подготовку, выступая истинными ценителями талантов и провоцируя собеседника на ответную реакцию.

Позднеантичная традиция восхваления в письмах начинается с Квинта Аврелия Симмаха (ок. 345 – 402) – сенатора и выдающегося эпистолографа IV в., который переписывался с самым

значимым позднеантичным ритором – Децимом Магном Авсонием (ок. 310 – ок. 395). Когда последний написал свою знаменитую поэму «Мозелла», он не счел нужным прислать ее Симмаху, чем немало обидел его. Друзья по переписке, впрочем, не хотели ссориться и, заглаживая возникший конфликт, без устали упражнялись в формулировке хвалебных сентенций: «*Quid igitur magis mirer, sententiae incertus addubito, ornamenta oris, an pectoris tui. Quippe ita facundia antistas ceteris, ut sit formido rescribere: ita benigne nostra comprobas, at libeat non tacere* / И я в сомнении, чем мне следует больше восхищаться: красотой твоего стиля или [достоинствами] твоей души? В самом деле, ты настолько превосходишь других в красноречии, что [мне] страшно отвечать; но ты так щедро хвалишь, что не хотелось бы молчать», – пишет Симмах (Symm. Ep. I. 31). Авсоний отвечает еще более пышными комплиментами: «*Aut quisquam ita nitet, ut comparatus tibi non sordeat? Quis ita Aesopi venustatem, quis sophisticas Isocratis conclusiones? Quis ita ad enthymemata Demosthenis aut opulentiam Tullianam aut proprietatem nostri Maronis accedat? Quis ita affectet singula, ut tu imples omnia? Quid enim aliud es quam ex omni bonarum artium ingenio collecta perfectio? / Разве может кто-то так же блистать, чтобы не померкнуть в сравнении с тобой? Кто близок так, как ты, и к прелести Эзопа и к софизмам Исократы, и к энтимемам Демосфена, или к мощи Цицерона и своеобразию нашего Марона? Кто сумел достичь [хоть] одного из этих качеств, которые ты соединил в себе все? Кто же ты, как не совершенство, воплощающее лучшее из всех прекрасных искусств?» (Symm. Ep. I. 32). Зачином каждого из приведённых фрагментов являются риторические вопросы, которые, однако, по-разному встроены в речь пишущих – если Симмах разворачивает риторический вопрос в рассуждение (*восхищаюсь красотой стиля, потому что превосходишь других в красноречии,**

имеешь высокие достоинства души, потому что щедро хвалишь), то Авсоний задает ряд риторических вопросов с модальностью сомнения, форма которых предполагает отрицательный ответ на вопрос (*Разве может кто-то так же блистать? – никто не может, кто близок так к идеалам – никто не близок, кто сумел достичь хоть одного из качеств? – никто не сумел*), из которых следует умозаключение – значит, ты совершенство. Свое восхищение друг другом корреспонденты передают посредством гиперболы – риторического приёма, заключающегося в преувеличении и приукрашивании достоинств и талантов собеседника, а также приема синтаксического параллелизма. В этих и подобных им речах обращает на себя внимание факт многочисленных отсылок к образцам прошлого – классикам Древней Греции и Рима, которые в позднеантичное время считались примерами для подражания. Эта практика получила свое продолжение и в наши дни: «в дискурсах различных слоёв общества налицо тенденции к ностальгическому переживанию текстовых ценностей прежней эпохи» (Слышкин, 2000: 5).

Не чужды классической риторике и, в частности, *laudatio*, были и христианские авторы, расточавшие похвалы как риторическим навыкам своих друзей, так и их достоинствам верующих и пастырей. Ученик Авсония – Павлин Ноланский (ок. 354 – 431), выходец из высшей аристократии и епископ Нолы, вел переписку с другим известным представителем христианского клира – Сульпицием Севером (ок. 363 – между 420 и 425). Павлин хвалит Севера за решительный отказ от всего мирского: «*Tu frater dilectissime, ad dominum miraculo maiore conversus es, quia aetate florentior, laudibus abundantior, oneribus patrimonii levior, substantia facultatum non egentior et in ipso adhuc mundi theatro id est fori celebritate diversans et facundi nominis palmam tenens, repetino inpetu discussisti*

*servile peccati iugum et letalia carnis et sanguinis vincla rupisti / Ты, мой самый дорогой брат, ты обратился к Господу большим чудом, т.к. ты более молод по летам, имеешь больше заслуг, менее обременен наследством, но не менее обеспечен; прославившись в этом театре мира, на форуме, удерживая пальму первенства в красноречии, ты внезапно порвал с рабским игом греха и разорвал смертельные цепи из плоти и крови» (Paul. Nol. Ep. V. 5)⁷. Фрагмент построен на сравнении качеств собеседников, для чего, с одной стороны, используются аналитические формы прилагательных с показателями *более/больше – менее*, при этом все преимущества оказываются на стороне адресата (*более молод, имеешь больше заслуг, менее обременен, но не менее обеспечен*), с другой – метафоры (*театр мира, рабское иго греха, смертельные цепи*) и фразеологизмы (*пальма первенства, из плоти и крови*).*

Свой собственный переход к христианству Павлин считает нерешительным и медленным, тем самым также подчеркивая свое восхищение другом. Усилению эффекта, отсроченного по времени решения автора письма, способствуют грамматические конструкции, описывающие прошлое Павлина, – *все еще* (*attamen*), *сверх того* (*praeterea*), *далее* (*ad hoc*), *потом* (*postea denique*), *так что мало-помалу* (*ut paulatim*), которые планомерно приводят читателя к серии отрывистых, хотя и постепенно удлиняющихся, фраз, описывающих ситуацию Севера (Paul.Nol. Ep. V. 4) (Trout, 1999: 18).

Иероним Стридонский, полагавший маркером истинного интеллектуала начитанность и знание классиков, польстил одному из своих адресатов, написав, что тот «пугает» его «своим красноречием, почти воспроизводя

⁷ Авторский перевод латинского текста выполнен по изданию под редакцией В. Гартеля (Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus Epistulae, 1894).

эпистолярный стиль Туллия (Цицерона – прим. авт.) / *Voce me provocas ad scribendum, terres eloquentia; et in epistolari stylo prope Tullium repraesentas*» (Hier. Ep. 85. 1)⁸. И это, несомненно, была похвала высшей степени, поскольку сравнения с Цицероном удостаивались немногие.

Превознося красноречие Фавста Регийского, своего коллеги и наставника по епископскому «цеху», Сидоний утверждает, что, «...кто бы ни бросил тебе вызов, – стоик, киник, перипатетик, ересиарх, – все будут побиты их же собственным оружием и раздавлены их собственными приемами» / *quin potius experietur, quisque conflixerit, Stoicos Sunicos Peripateticos haeresiarchas propriis armis, propriis quoque concuti machinamentis*» (Sid. Ep. IX. 9, 15). Сидоний обращается здесь к стилистическому приему перечисления (асиндетон), когда названия философских школ, действующих в поздней античности, образуют единую цепь, чтобы усилить впечатление от уровня образованности и мудрости Фавста. Выполняя декоративную функцию, фраза усиливает эмоциональное воздействие на читателя.

Значимость фигуры Сидония (ок. 430 – ок. 486) для нашего исследования объясняется тем, что это был типичный представитель позднеримской интеллектуальной элиты, переживший падение Рима, служивший императорам, а потом Церкви, получивший в свое время блестящее образование, подкрепленное литературным талантом, и оставивший после себя стихотворения и коллекцию писем. Защищая Клермон, где он занимал епископскую кафедру, от варваров, Сидоний, как никто другой, понимал необходимость сплочения галло-римлян перед лицом физической опасности, но еще больше перед опасностью быть

поглощенными ордами варваров в духовном плане. Уберечь латынь от варваризмов, сплотить круг образованной аристократии, желающей сохранить классические ценности и устои, – одни из важнейших целей переписки и последующего создания эпистолярной коллекции. Не последнее место среди устремлений автора занимает и самопрезентация. Для мотивирования своих единомышленников активно продолжать обмен письмами Сидоний часто обращался к лаудативному дискурсу.

Позднеантичный аристократ прямо говорит, цитируя своего предшественника Симмаха: «*ut vera laus ornat, ita falsa castigat* / Как настоящая похвала – это награда, так ложная похвала – упрек» (Sid. Ep. 8. 10, 1), акцентируя внимание адресата и широкой аудитории, которая, безусловно, будет наслаждаться текстами его посланий, что, прославляя кого-либо, он будет искренен.

«*Et quamquam in epistula tua servet caritas dulcedinem, natura facundiam, peritia disciplinam* / В твоём письме была вся сладость любви, вся грация естественного красноречия, все мастерство стиля» (Sid. Ep. 8. 10), – пишет Сидоний Рурицию, употребляя метафоры (*сладость любви, грация красноречия*) на фоне анафорического повтора местоимения *vese*, указывающего на полноту охвата признака, и это, безусловно, высшая похвала, которую можно было получить в то время от признанного авторитета эпистолярного жанра. Мы знаем о том, что в ответ Сидоний получал еще более пышные комплименты от своего адресата, эти письма сохранились в коллекции Руриция Лиможского (ок. 440 – ок. 510). Последний ценил старшего товарища не только за его образованность и красноречие, но и за его решение посвятить себя Богу и людям, став епископом, и, тем самым, повлияв и на дальнейший жизненный путь Руриция. Епископ Лиможа считает Сидония одним из мудрейших людей, обращается к нему как к патрону и пишет следующее:

⁸ Авторский перевод латинского текста выполнен по изданию под редакцией Ж. Миня (Hieronymi Opera omnia, 1845).

«desidero itaque, domine mi, desidero, inquam, tuis cibis refici, tuo fonte potari, tuis repleti dapibus, tuis epulis saginari, quas si quis distribuentibus uobis non summo ore libauerit, sed totis animae uisceribus adpetens conuiuia sorbuerit atque intimo pectoris postmodum easdem ruminaturus absconderit, incipiet adsiduis ructationibus in laudem domini / Я хочу, видит Бог, как я хочу! Быть наполненным твоей пищей, пить из твоего фонтана, насытиться твоими пирами, ... если какой-то гость за твоим столом будет, жажда этого всеми глубинами своего духа, жадно глотать твое угощение, а не пробовать его кончиком языка, а потом уйдет, чтобы прочувствовать это всем сердцем, он непременно начнет изрыгать похвалы в честь всеильного господина ...» (Rur. Ep. I, 9)⁹.

Изысканность тирады, несомненно, тщательно продумана. Как загадка-интрига употребляется парцеллированная конструкция (*Я хочу, видит Бог, как я хочу!*), которая перетекает в развёрнутую гастрономическую метафору. Руриций был большим поклонником деликатесов, поэтому подобного рода лексика в метафорическом контексте – не редкость в его письмах; в данном случае он имеет в виду духовные деликатесы, богатый опыт Сидония, которым наполнится любой, кто припадет к источнику его мудрости. Переписка Сидония и Руриция была непрерывной, по крайней мере, сохранилось несколько писем и того, и другого автора, свидетельствующих об этом.

Во втором послании восьмой книги Сидоний воспевает грамматика Иоанна. Сидоний хвалит его за спасение им латыни от разрушения, так как он смог «отсрочить угасание литературной культуры, ... как ее возродитель, пропагандист и защитник, когда она уже почти была погребена...»; автор письма расценивает своего адресата

как «единственного на всю Галлию учителя, который среди бурь войны дал прибежище латинской речи, хотя латинское оружие потерпело крушение» (quod aboleri tu litteras distulisti, quarum quodammodo iam sepultarum suscitator fautor assertor concelebraris, teque per Gallias uno magistro sub hac tempestate bellorum Latina tenuerunt ora portum, cum pertulerint arma naufragium) (Sid. Ep. VIII. 2, 1).

Удостаивались похвалы и варвары, которые, в целом, конечно, воспринимались людьми второго сорта, но, в случае владения ими латынью, почитались как равные. В ответ на послание Арбогаста из Трира Сидоний выражает удивление и восхищение тем, что, хотя Арбогаст и не римлянин, его латынь безупречна: «Хотя ты пьешь из Мозеля, у тебя во рту – вкус Тибра; и поэтому твоя речь не содержит варваризмов / fonte facundiae potor Mosellae Tiberim ructas, sic barbarorum familiaris, quod tamen nescius barbarismorum» (Sid. Ep. IV. 17, 1). Мозель (Мозелла) – приток Рейна, прирейнские территории – вотчина варваров, а Тибр – река в Италии, исконно римские земли. Похвала, завернутая в риторическую оболочку, призвана подчеркнуть образованность собеседника. С этой же целью Сидоний сопоставляет его риторические навыки с умениями стратегов классической эпохи: «... в красноречии и доблести ты равен древним полководцам, чьи десницы могли бы владеть стилем не менее искусно, чем мечом.../ sed quorum dextera solebat non stilum minus tractare quam gladium» (Ibid.)

Еще более показательным в плане проявления образованности в лаудативном дискурсе является другое письмо Сидония, адресованное Клавдиану Мамерту (ум. ок. 473 г.), галло-римскому теологу, брату св. Мамерта (ум. ок. 475 г.), епископа Вьенна. Весь немалый текст данного письма посвящен восхвалению Клавдиана, посредством которого Сидоний показывает, насколько блестяще образован он сам: он сравнивает достижения своего адресата «с серьезностью Фронтоня или

⁹ Авторский перевод латинского текста выполнен по изданию под редакцией А. Энгельбрехта (Ruricii Epistularum libri duo, 1891).

мощью Апулея / *nec Frontonianaе gravitatis aut ponderis Apuleiani fulmen aequiperem*»; утверждает, что, по сравнению с Мамертом, «Варроны, и тот, что из Атакса, и тот, что из Реата, и Плинии, дядя и племянник, всегда будут казаться провинциалами / *cui Varrones, vel Atacinus vel Terentius, Plinii, vel avunculus vel Secundus, compositi in praesentiarum rusticabuntur*» (Sid. Ep. IV. 3, 1). Далее Сидоний превозносит ученость своего друга и коллеги: «[Ты] не стесняешься, при необходимости, владеть плектром с самим Орфеем, или посохом с Эскулапом, или правилом с Архимедом, гороскопом с Евфратом, компасом с Пердиксом, отвесом с Витрувием; не перестаешь исследовать время с Фалесом или звезды с Атласом; изучать вес с помощью Зета, числа с Хрисиппом или измерения с Евклидом / *quaeque, si fors exigit, tenere non abnuat cum Orpheo plectrum cum Aesculapio baculum, cum Archimede radium cum Euphrate horoscopium, cum Perdice circinum cum Vitruvio perpendiculum quaeque numquam investigare destiterit cum Thalete tempora, cum Atlante sidera, cum Zeto pondera, cum Chrysippo numeros, cum Euclide mensuras*» (Ibid. 3, 5). Вот писатель, который «... думает как Пифагор, дискутирует¹⁰ как Сократ; разъясняет как Платон, запутывает как Аристотель / *sentit ut Pythagoras dividit ut Socrates, explicat ut Platon implicat ut Aristoteles*» (Ibid. 3, 6). Последняя сентенция содержит антитезу (*explicat / implicat*, букв. распутывать / запутывать), которая служит также для усиления речевого эффекта.

Сидоний сравнивает Клавдиана Мамерта также с лучшими из ораторов и политических деятелей: «... ему присуш

шарм Эсхина и гнев Демосфена; он так же свеж и ярок, как Гортензий; он бушует как Цетег, стремителен, как Курион, осторожен, как Фабий; в изяществе – равен Крассу, в сдержанности – Цезарю, в морализаторстве – Катону, в разубеждении Аппию, в убедительности – самому Туллию / *ut Aeschines blanditur ut Demosthenes irascitur, vernat ut Hortensius aestuat ut Cethegus, incitat ut Curio moratur ut Fabius, simulat ut Crassus dissimulat ut Caesar, suadet ut Cato dissuadet ut Appius persuadet ut Tullius*» (Ibid. 3, 6). Сопоставление адресата с величайшими мыслителями, ораторами, политиками античности призвано усилить эффект похвалы Сидония, с одной стороны, и продемонстрировать энциклопедический багаж самого автора письма, с другой.

Далее, Сидоний характеризует риторические навыки Клавдиана Мамерта: «Это твоя особая заслуга, что ты соблюдаешь каждую стопу в метре, каждый слог в стопе и каждое ударение в слог; ... ты умудряешься употреблять все богатство слов; сжатый, лаконичный метр не исключает красоту витиеватой манеры. Для тебя простая игра – [манипуляции] с крошечными хорейми и мельчайшими пиррихиями (стопами), которая по эффективности превосходит не только молосский и анапестический троичный, но даже четверичный, эпитритный и пеонийский ритмы / *idque tuum in illo peculiare, quod servatis metrorum pedibus pedum syllabis syllabarumque naturis intra spatii sui terminum verba ditia versus pauper includit nec artati carminis brevitatis longitudinem phalerati sermonis eliminat; ita tibi facile factu est minutis trochaeis minutoribusque pyrrhichiis non solum molossicas anapaesticasque ternarias sed epitritorum etiam paeonumque quaternatas supervenire iuncturas*» (Ibid. 3, 8)¹¹. Перечисляя многочисленные стихотворные

¹⁰ Буквальный перевод латинского глагола *divide* в данном контексте не отражает смысла высказывания. Речь здесь, скорее всего, ведется о так называемом «Методе Сократа», предполагавшем диалог между собеседниками с целью установления истины, достижение которой основывается на вычленинии проблемы и поиска ее решения.

¹¹ Авторские переводы писем с латинского языка цитируются по диссертации автора (Литовченко, 2021).

размеры, Сидоний преследует ту же цель – воздать почести другу, делая акцент на его литературных талантах, прибегая к стилистической фигуре градации, усиливающей эмоционально-экспрессивное значение текста, благодаря чему наращивает производимое впечатление. Все три фрагмента письма к Мамерту построены на синтаксическом параллелизме, декорирующем фразы Сидония, в соответствии с риторическими правилами.

После Сидония, в первой половине VI века авторы также использовали *laudatio* как текстовый механизм поддержания коммуникации. Так, Эннодий (ок. 473 – 521), епископ Павии и несомненный ценитель латинской словесности, сравнивал грамматика Девтерия, рекомендуя ему своего племянника Люпицина в качестве будущего ученика, с величайшими учителями – Хироном, Вергилием, Иеронимом. Чтобы превознести достоинства еще одного адресата – Авиена, Эннодий говорит о стяжании им «золота Демосфена и железа Цицерона» (Ennod. Ep. I. 5, 10), а Боэцию, используя метафоры, пишет, что тот «просиял меж мечами Цицерона и Демосфена» (Ennod. Ep. VIII. 1, 4) (Тюленев, 2016: 39).

Кстати, Боэций, как один из столпов интеллектуальной традиции позднеантичного времени, вызывал восхищение и у Кассиодора (ок. 485 – ок. 585), прежде всего, своей образованностью. Он удостоился такой похвалы: «...Ты передал потомкам Ромула все лучшее, что даровали миру наследники Кекропса. Благодаря твоим переводам музыкант Пифагор и астроном Птолемей читаются на языке италийцев; арифметик Никомах и геометр Евклид воспринимаются на авсонийском наречии; теолог Платон и логик Аристотель рассуждают между собой на языке

Квирина. Да и механика Архимеда ты вернул сицилийцам в латинском обличии... Всех их ты сделал ясными посредством подходящих слов, понятными – посредством точной речи, так что, если бы они могли сравнить свои творения с твоими, то, возможно, предпочли бы твое / *io deducens ad Romuleos senatores quicquid Cecropidae mundo fecerant singulare. Translationibus enim tuis Pythagoras musicus, Ptolemaeus astronomus leguntur Itali: Nicomachus arithmeticus, geometricus Euclides audiuntur Ausonii: Plato theologus, Aristoteles logicus Quirinali voce disceptant: mechanicum etiam Archimedes Latialem Siculis reddidisti. et quascumque disciplinas vel artes facunda Graecia per singulos is viros edidit, te uno auctore patrio sermone Roma suscepit. quos tanta verborum luculentia reddidisti claros, tanta linguae proprietate conspicuos, ut potuissent et illi opus tuum praeferre, si utrumque didicissent*» (Cass. Var. I. 45)¹². Здесь мы также видим параллельные конструкции, рождающие богатые образные ассоциации и придающие художественность эпистолярному тексту.

Таким образом, самый богатый набор риторических приемов наблюдается у Сидония, признанного авторитета литературы V века, а наиболее популярным из используемых авторами средств является сравнение, кроме того, довольно часто литераторы прибегают также к метафоре и параллелизму (Таблица).

Безусловно, наш анализ сравнительно небольшого количества позднеантичных эпистолярных текстов нуждается в продолжении, однако, сделать это в рамках одной статьи не представляется возможным. Перспективы дальнейшего исследования мы видим в расширении круга авторов, использовавших в своих письмах риторику похвалы, а также в изучении других текстов корреспонденции, представленных в данной работе литераторов.

¹² Пер. с лат. Шкаренкова П. П. (Шкаренков, 2008).

Таблица. Частотность употребления риторических приемов в текстах IV-VI вв.
Table. Frequency of use of rhetorical means in texts of the 4th-6th centuries

Название приема	Количество в текстовых фрагментах	Авторы и номера фрагментов
метафора	4	Павлин (Paul. Nol. Ep. V) Сидоний (Sid. Ep. 8. 10) Руриций (Rur. Ep. I, 9) Эннодий (Ennod. Ep. VIII. 1, 4)
сравнение	6	Авсоний (Symm. Ep. I. 32) Павлин (Paul. Nol. Ep. V. 5) Иероним (Hier. Ep. 85. 1) Сидоний (Sid. Ep. IV. 3) Эннодий (Ennod. Ep. I. 5, 10) Кассиодор (Cass. Var. I. 45)
параллелизм	4	Симмах (Symm. Ep. I. 31) Авсоний (Symm. Ep. I. 32) Сидоний (Sid. Ep. IV. 3) Кассиодор (Cass. Var. I. 45)
градация	1	Сидоний (Sid. Ep. IV. 3)
гипербола	3	Симмах (Symm. Ep. I. 31) Авсоний (Symm. Ep. I. 32) Сидоний (Sid. Ep. II. 9)

Заключение

Таким образом, анализ ряда показательных примеров позднеантичной переписки в контексте выявления текстовых механизмов коммуникации, показал, что похвала выступала обязательным элементом, без которого переписка не мыслилась вовсе. Лаудативный эффект достигался посредством экспрессивных средств стилистики: сравнения, параллелизма, градации, метафоры, гиперболы.

При помощи лаудативного дискурса авторы писем представляли своих друзей как самых достойных людей не только современного им поколения, но и выдающихся деятелей литературы, в сравнении с известными ораторами, риториками, поэтами прошлого, в связи с чем неоднократно обращались к классическим примерам.

Демонстрируя в гиперболизированной форме многочисленные достоинства своих адресатов, наши

литераторы добивались также и другой цели – оставить в письмах свой, тщательно сконструированный образ высокообразованного и талантливого деятеля эпохи, на который могли бы равняться потомки. Эта цель выглядела вполне достижимой с учетом публичного характера позднеантичной переписки: чтение писем выдающихся литераторов вслух являлось весьма распространенным видом досуга в те времена, так что самопрезентация была одним из важнейших мотивов эпистолографии. Подобная практика, включающая и ориентацию на текстовые ценности прошлого, и конструирование персональных социальных сетей в виртуальном пространстве с целью акцентуации эго-портрета, бытует и в настоящее время.

Помимо вышеуказанных факторов, как мы уже отмечали ранее, риторика похвалы сплачивала участников перед лицом вызовов времени, буквально, заставляя их прилагать максимум усилий

для сохранения «высокой» латыни на фоне распространения варварских диалектов и поглощения варварами территорий некогда мощной Западной Римской империи.

Логическим продолжением исследования механизмов эпистолярной коммуникации может быть построение модели «эго-сетей» позднеантичного общества, включающей весь функциональный комплекс корреспонденции: авторы, участники, цели, мотивы, приемы и влияние сетевой коммуникации на общественное сознание латинского Запада IV-VI вв.

Материал исследования / Corpus Materials

Ausonius: With an English Translation. Vol. 1-2 (1949) / Transl. by H. G. Evelyn-White. London: W. Heinemann. 367 p. (In Latin/In English)

Baehrens, E. (ed.) (1874). *XII Panegyrici Latini*, 128, Teubneri B. G., Leipzig, Germany. (In Latin)

Cassiodorus: The *Variae*. The Complete Translation (2019) / Transl. by M. Shane Bjornlie. Oakland, CA: University of California Press. 530 p. (In Latin/In English)

Engelbrecht, A. (ed.) (1891). *Ruricii Epistularum libri duo, Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum XXI, Fausti Reiensis et Ruricii Opera*, Tempisky F., Leipzig, Germany. (In Latin)

Ennode de Pavie, *Lettres*, 2 vol. (2006, 2010) / Édition, traduction et commentaire par S. Gioanni. Paris, Les Belles Lettres, Vol. I – cxcviii, 196 p. Vol. II – xxxvi, 147 p. (In Latin/In Italian)

Hartel, G. (ed.) (1882). *Ennodius Magnus Felix. Opera omnia, Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum VI*, Gerold C., Wien, Austria. (In Latin)

Hartel, W. (ed.) (1894). *Pontius Meropius Anicius Paulinus episcopus Nolanus Epistulae, Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum XXIX*, Pars. 1-2, Tempisky F., Wien, Austria. (In Latin)

Letters of St. Paulinus of Nola (1966) / Translated and annot. by P. G. Walsh. Vol. I. Letters 1-22. New York: Newman Press. 277 p. (In Latin/In English)

Longoli, P. D. and Shaefer, G. F. (eds.) (1821). *Plinii Caecilii Secundi Epistolae*, Rodwell et Martin, London, UK. (In Latin)

Luetjohann, C. and Krusch, B. (eds.) (1887). *Sidonius Apollinaris. Epistulae et carmina, Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum*, 8 Sidonius, Faustus, Ruricius. Weidmann, Berlin, Germany. (In Latin)

Migne, J. P. (ed.) (1845). *Hieronymi Opera omnia, Patrologiae cursus completus: sive Bibliotheca universalis*, apud Garnier fratres, Paris, France. (In Latin)

Mommsen, T. (ed.) (1894). *Cassiodori Senatoris Variae, Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum*, 12, Weidmann, Berlin, Germany. (In Latin)

Peiper, R. (ed.) (1886). *Decimi Magni Ausonii Opuscula*. Teubneri B. G., Leipzig, Germany. (In Latin)

Pontius Meropius Paulinus: *Epistulae – Briefe* (1998) / Übersetzt und eingeleitet von M. Skeb. Freiburg; Basel; Wien: Herder Verlag. 400 S. (In Latin/In German)

Rackham, H. (ed.) and Sutton, E. W. (transl.) (1942). *Cicero. De oratore, The Loeb classical library*, Heinemann, London, UK. (In Latin)

Ruricius of Limoges and Friends. *A Collection of Letters from Visigothic Gaul* (1999) / Translated with introduction, commentary and notes by R. W. Mathisen. Liverpool: Liverpool University Press. 272 p. (In Latin/In English)

Seek, O. (ed.) (1883). *Symmachi Q. A. Quae supersunt, Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum*, 6, Weidmann, Berlin, Germany. (In Latin)

Select Letters of St. Jerome (1933) / Transl. by F. A. Wright. London: W. Heinemann. 510 p. (In Latin/In English)

The Letters of Sidonius (1915) / Translated with introduction and notes by O. M. Dalton. 2 vols. Oxford: Clarendon Press. Vol. I clxxxiii, 86 p.; Vol. II – 268 p. (In English)

The Letters of Symmachus: Book 1 (2011) / Transl. by M. R. Salzman, M. Roberts. Atlanta: Society of Biblical Literature. lxxii, 215 p. (In English)

Variae Кассиодора. Римская традиция в варварском мире (2004) / Пер. П. П. Шкаренкова. М.: РГГУ. 270 с. (In Russian)

Список литературы

- Алтухова Т. В. Социальная компьютерная сеть «ВКонтакте»: жанровая характеристика // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т. 3. С. 21-25.
- Иссерс О. С. Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 2. С. 243-256.
- Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 6-е, доп. Москва: URSS: ЛКИ, 2012. 299 с.
- Катермина В. В., Илмаз-Леденева Т. О. Языковая личность в дискурсе социальных сетей // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3 (103). С. 64-70.
- Латинские панегирики / Вступ. ст., пер. и коммент. И. Ю. Шабаги. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 672 с.
- Литовченко Е. В. Один день из жизни позднеантичного аристократа: Сидоний Аполлинарий в гостях у родственников // Научные ведомости БелГУ. Серия: История, политология. 2019. Т. 46. № 4. С. 620-626.
- Литовченко Е. В. Позднеантичная эпистолография в контексте медиализации и культурного континуитета на латинском Западе (IV-VI вв.): Дисс. ... д-ра. ист. наук. Белгород, 2021. 804 с.
- Лутовинова О. В. Виртуальный дискурс как одно из направлений в исследовании киберпространства // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2009. № 1. С. 26-32.
- Матрехина Н. В. Социальная сеть человека в контексте его жизненных ситуаций: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2006. 22 с.
- Межеричкая С. И. Rhetoric in the service of politics: panegyric and its role in the era of the second Sophistic // Шаги. 2017. № 3 (4). С. 224-233.
- Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства / Отв. ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Наука, 1964. 234 с.
- Памятники средневековой латинской литературы IV – VII веков / Отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров; сост. О. Е. Нестерова. М.: Наследие, 1998. 471 с.
- Подосинов А. В. Латинско-русский и русско-латинский словарь. М.: Флинта, 2022. 744 с.
- Сидорова И. Г. Способы позиционирования интернет-личности в социальной сети // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Языкознание и литературоведение. 2013. № 9 (84). С. 29-33.
- Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
- Тюленев В. М. Традиции греко-римской образованности при остготском королевском дворе на рубеже V-VI вв. // Интеллигенция и мир. 2016. № 1. С. 35-44.
- Шкаренков П. П. Flavii Cassiodori vita AC ITER: автор и риторическая традиция на рубеже античности и средневековья. Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 9. С. 88-89.
- Шкаренков П. P. Variarum Cassiodori. Римская традиция в варварском мире. М.: РГГУ, 2004. 270 с.
- Collar A. Network Theory and Religious Innovation // Mediterranean Historical Review. 2007. № 22 (2). P. 149-162.
- Collar A. Religious Networks in the Roman Empire. The spread of new ideas. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 322 p.
- Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity / Th. Hägg, Ph. Rousseau, Ch. Högel (eds.). Berkeley: University of California Press, 2000. 288 p.
- Kroon C. H. M. Discourse Particles in Latin. A study of nam, enim, autem, vero and at. Amsterdam: J. C. Gieben, 1995. 402 p.
- Litovchenko E. V. Captatio benevolentiae in Late Antique Epistolography as a Means of Preserving Communication of the Intellectual Elite // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 4 (59). С. 11-17.
- Nixon C. E. V., Saylor Rodgers B. In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini. Berkeley: University of California Press, 1994. 735 p.
- Pernot L. Epideictic rhetoric: questioning the stakes of ancient praise. Austin: University of Texas Press, 2015. 166 p.
- Pernot L. La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain: Histoire et technique. Paris: Institut d'études augustiniennes, 1993. 879 p.
- Rees R. D. Letters of recommendation and the rhetoric of praise // Ancient Letters. Classical and Late Antique Epistolography / R. Morello and A. D. Morrison (eds.). Oxford, 2007. P. 149-168.

Rees R. D. Words of Praise in Roman Politics // *Millennium*. 2010. № 7 (1). P. 9-28.

The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity / M. Whitby (ed.). Leiden: Brill, 1998. 378 p.

Trizio M. S. de, Panegirico di Mamertino per Massimiano e Diocleziano (Panegyrici Latini 2 [10]). Bari: Edipuglia, 2009. 156 p.

Trout D. E. Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems. (Transformation of the Classical Heritage). Berkeley: University of California Press, 1999. 122 p.

Velikova S. The pragmatics of news actor labelling in media discourse: A case study // *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2021. V. 7 (4). P. 31-43. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-3

Ware C. Panegyric and the Discourse of Praise in Late Antiquity // *Journal of Roman Studies*. 2019. № 109. P. 1-14.

Wasserman S., Faust K. Social Network Analysis: Methods and Applications. Cambridge University Press, 1994. 825 p.

References

Altuhova, T. V. (2012). Social computer network "VKontakte": genre characteristics, *Vestnik KemGU*, 4 (52), 3, 21-25. (In Russian)

Issers, O. S. (2020). Bolee poluveka pod zontikom komunikativnyh strategij [More than half a century under the umbrella of communication strategies], *Kommunikativnye issledovaniya*, 7 (2), 243-256. (In Russian)

Issers, O. S. (2012). *Kommunikativnye strategii i taktiki russoj rechi. Izd. 6-e, dop.* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], LKI, URSS, Moskva, Russia. (In Russian)

Katermina, V. V. and Ilmaz-Ledeneva, T. O. (2019). Linguistic Personality in the Discourse of Social Networks, *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*, 3 (103), 64-70. (In Russian)

Latinskie panegiriki [Latin panegyrics] (2016). Russky fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia. (In Russian)

Litovchenko, E. V. (2019). A Day in the Life of a Late Antique Aristocrat: Sidonius Apollinaris Visiting Relatives, *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Istorija, politologiya*, 46 (4), 620-626. (In Russian)

Litovchenko, E. V. (2021). Late antique epistolography in the context of medievalization

and cultural continuity in the Latin West (IV-VI centuries), D. Sc. Thesis, General history, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia. (In Russian)

Lutovinova, O. V. (2009). Virtual discourse as one of the directions in the study of cyberspace, *Vestnik Moskovskogo gos. obl. universiteta. Serija: Lingvistika*, 1, 26-32. (In Russian)

Matrekhina, N. V. (2006). Human social network in the context of his life situations, Abstract of Ph.D. dissertation, Psychology, Herzen University, Saint Petersburg, Russia. (In Russian)

Mezheritskaya, S. I. (2017). Rhetoric in the service of politics: panegyric and its role in the era of the second Sophistic, *Shagi*, 3 (4), 224-233. (In English)

Grabar'-Passek, M. E. (1964) *Pamyatniki pozdnego antichnogo oratorskogo i epistolyarnogo iskusstva* [Monuments of Late Antique oratory and epistolary art], Nauka, Moscow, Russia. (In Russian)

Averintsev, S. S. and Gasparov, M. L. (1998). *Pamyatniki srednevekovoy latinskoj literatury IV – VII vekov* [Monuments of Medieval Latin literature of the 4th-7th centuries], Nasledie, Moscow, Russia. (In Russian)

Podosinov, A. V. (2022). *Latinsko-russky i russko-latinsky slovar* [Latin-Russian and Russian-Latin Dictionary], Flinta, Moscow, Russia. (In Russian)

Sidorova, I. G. (2013). Ways of positioning an Internet personality in a social network, *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Yazykoznanie i literaturovedenie*, 9 (84), 29-33. (In Russian)

Slyshkin, G. G. (2000). *Ot teksta k simvolu: lingvokulturnye kontsepty pretsedentnyh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguistic and Cultural Concepts of Precedent Texts in Consciousness and Discourse], Academia, Moscow, Russia. (In Russian)

Tyulenev, V. M. (2016). Traditions of Greco-Roman education at the Ostrogothic royal court at the turn of the 5th-6th centuries, *Intelligentsiya i mir*, 1, 35-44. (In Russian)

Shkarenkov, P. P. (2008). Flavii Cassiodori vita AC ITER: author and rhetorical tradition at the turn of antiquity and the Middle Ages, *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 9, 88-89. (In Russian)

- Shkarenkov, P. P. (2004). *Variae Kassiodora. Rimskaya traditsiya v varvarskom mire*, RGGU, Moscow, Russia. (In Russian)
- Collar, A. (2007). Network Theory and Religious Innovation, *Mediterranean Historical Review*, 22 (2), 149-162. (In English)
- Collar, A. (2013). *Religious Networks in the Roman Empire. The spread of new ideas*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. (In English)
- Hägg, Th., Rousseau, Ph. and Högel, Ch. (eds.) (2000) *Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity*, University of California Press, Berkeley, USA. (In English)
- Kroon, C. H. M. (1995). *Discourse Particles in Latin. A study of nam, enim, autem, vero and at*, J. C. Gieben, Amsterdam, Netherlands. (In English)
- Litovchenko, E. V. (2022). Captatio benevolentiae in Late Antique Epistolography as a Means of Preserving Communication of the Intellectual Elite, *Vestnik Permskogo universiteta. Istorija*, 4 (59), 11-17. (In English)
- Nixon, C. E. V. and Saylor, R. B. (1994). *In Praise of Later Roman Emperors. The Panegyrici Latini*, University of California Press, Berkeley, USA. (In English)
- Pernot, L. (2015). *Epidictic rhetoric: questioning the stakes of ancient praise*, University of Texas Press, Austin, USA. (In English)
- Pernot, L. (1993). *La rhétorique de l'éloge dans le monde gréco-romain: Histoire et technique*, Institut d'études augustiniennes, Paris, France. (In French)
- Rees, R. D. (2007). Letters of recommendation and the rhetoric of praise, in Morello, R. and Morrison, A. D. (eds.), *Ancient Letters. Classical and Late Antique Epistolography*, Oxford, 149-168. (In English)
- Rees, R. D. (2010). Words of Praise in Roman Politics, *Millennium*, 7 (1), 9-28. (In English)
- Whitby, M. (ed.) (1998). *The Propaganda of Power: The Role of Panegyric in Late Antiquity*, Brill, Leiden, Netherlands. (In English)
- Trizio, M. S. de (2009). *Panegirico di Mamertino per Massimiano e Diocleziano (Panegyrici Latini 2 [10])*, Edipuglia, Bari, Italy. (In Italian)
- Trout, D. E. (1999). *Paulinus of Nola: Life, Letters, and Poems (Transformation of the Classical Heritage)*, University of California Press, Berkeley, USA. (In English)
- Velikova, S. (2021). The pragmatics of news actor labelling in media discourse: A case study, *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 7 (4), 31-43. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-4-0-3 (In English)
- Ware, C. (2019). Panegyric and the Discourse of Praise in Late Antiquity, *Journal of Roman Studies*, 109, 1-14. (In English)
- Wasserman, S. and Faust, K. (1994). *Social Network Analysis: Methods and Applications*, Cambridge University Press, UK. (In English)
- Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.**
The author has read and approved the final manuscript.
- Конфликты интересов: у автора нет конфликтов интересов для декларации.**
Conflicts of interests: the author has no conflicts of interest to declare.
- Елена Викторовна Литовченко**, доктор исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.
Elena V. Litovchenko, Doctor of Science (History), Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Philology, Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.